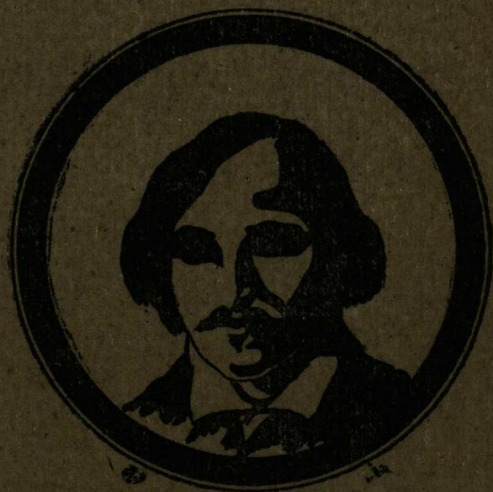

Н О В Ы Й ЖУРНАЛЪ ДЛЯ ВСѢХЪ

ПАМЯТИ ГОГОЛЯ

А В Т О Р Ы:

Л. Андрусонъ, Ниво-
лай Архиповъ, К. Ба-
ранцевичъ, Л. Василев-
скаго, Л. Гуревичъ,
М. Гальперинъ, А. Ку-
принъ, Л. Козловскій,
Вл. Ладыженскій, В. Лен-

скій, Вл. Муриновъ,
В. Поссе, И. Рѣпинъ, А. Ро-
славлевъ, А. Свирскій,
Сила - Дворяниновичъ,
Н. Фалѣевъ, Е. Чир-
новъ, Чужь-Чуженинъ,
И. Щегловъ, Н. Эфросъ.

Иллюстраціи: И. Рѣпинъ—1) Отъѣздъ Тараса Бульбы съ сыновьями въ Запо-
рожскую Сѣчь, 2) Гоголь и о. Матѣй, 3) Запорожцы. Баронъ М. Клодтъ—4) Старо-
свѣтскіе помѣщики. А. Кондратенко—5 и 6) Усадьба Гоголя, Яновка. А. Ивановъ—
7) Портретъ Гоголя.

Рисунки худ. С. Чехонина: 1) Капитанъ Копейкинъ, 2) Городничій, мечтающій о
генеральствѣ.

1909

МАРТЪ

№ 5

Цѣна Гого-
левскаго
№ 50 коп.

КОНТОРА И РЕДАКЦІЯ:
СПБ. СВѢЧНОЙ, 16.

Обычная —
25 коп. На
годъ 2 руб.

ГОГОЛЕВСКАЯ ШИНЕЛЬ.

Фантазія.

Ив. Щеглова.

Посвящается И. Е. Рѣпину.

Нынѣшней осенью судьба забросила меня на нѣсколько дней въ дрянной номеръ дрянного провинціального городишки... Дождь лиль ливмя съ утра до ночи и пускаться въ дальнѣйшій путь было бы безразсудно...

Особенно томительна прихлась ненастная ночь на первое сентября... Вѣтеръ выль не переставая, дождь хлесталъ въ окна съ какимъ-то настойчивымъ остервенѣніемъ, и на пустынной улицѣ царила жуткая, непроглядная тьма. Жутко и одиноко было въ холодномъ и непріютномъ номерѣ, и сонъ невольнo бѣжалъ съ испуганныхъ глазъ. Чего-чего только не надумаешься въ чужомъ далекомъ углу въ такую зловѣщую осеннюю ночь!..

По счастью въ моемъ чемоданѣ отыскался томикъ Гоголя, и я ожилъ духомъ... Я всегда захватываю съ собой въ дорогу томикъ Пушкина, Гоголя или Тургенева... Самоваръ на столѣ еще несовсѣмъ остылъ, и на комодѣ нашлась нераспечатанная коробка папирсъ: «Абракадабра» (фирма самага лучшаго, крѣпкаго турецкаго табаку!)—и, завернувшись поплотнѣе въ пледъ, я съ нѣкоторымъ комфортомъ устроился на диванѣ... Развернулъ книгу на удачу—попалась «Шинель», та самая знаменитая Гоголевская Шинель, изъ которой, по мѣткому слову Ореста Миллера, вышелъ Достоевскій и, за нимъ, цѣлая плеяда второстепенныхъ писателей.

Подлилъ я себѣ чаю, затянулся «Абракадаброй» и принялся читать, и—странное дѣло!—по мѣрѣ того какъ я углублялся въ страницы,—эта столько разъ читанная и пере-

читанная повѣсть, показалась мнѣ вдругъ до того ошеломляюще - новой и загадочно - символической, точно она впервые попалась въ руки.... Что тому причиной, не знаю—глухая ли ненастная ночь, тоска ли одиночества, можетъ быть, табачный дурманъ «Абракадабры», затуманившій слабую голову,—ничего не знаю!..

Знаю одно, что подъ какимъ-то невѣдомымъ, таинственнымъ наитіемъ, я незамѣтно очутился, какъ въ облакѣ, въ заколдованномъ царствѣ фантазмагоріи, гдѣ призраки творческой фантазіи переплелись символической нитью съ горькой очевидностью личной авторской невзгоды... Самая «Шинель», сшитая пресловутымъ «Петровичемъ» бѣдному чиновнику Башмачкину какъ-то вдругъ утратила свою мелкую повседневную судьбу и странно сплелась съ болѣе значительной судьбой—писательской! Словомъ, Шинель какъ бы случайно широко распахнулась и обнаружила неподозрѣваемую ранѣе диковинную подкладку—подкладку не только сложно психологическую, но почти автобіографическую. О, эта хитроумная подкладка—подкладка Гоголевской Шинели!! Тутъ есть надъ чѣмъ призадуматься....

Чего казалось бы, на первый взглядъ, классически-отвлеченнѣе «Каменнаго Гостя» Пушкина? Мадридъ, Донъ-Жуанъ, Лаура съ гитарой и т. д.—А, между тѣмъ, этотъ самый испански-колоритный «Каменный Гость» наповѣрку оказывается наиболѣе тонкой автобіографической вещью поэта! *) Почти та же непредвидѣнная исторія и съ «Шинелью» Гоголя... Читаешь про жалкую униженную жизнь бѣднаго Акакія Акакіевича, про пошлыя оскорбленія, которыми донимали его сослуживцы и про обогрѣвающую мечту о великолѣпной шинели... а, между тѣмъ, между строкъ, всевремя неотвязно мерещатся скорбныя картины изъ жизни не Акакія Акакіевича Башмачкина, а *Николая Васильевича Гоголя*... Тутъ совсѣмъ какъ въ Пушкинскомъ «Каменномъ Гостѣ»—невольное, такъ сказать, художнически-психологическое пророчество о самомъ себѣ!... Читаешь—и невыразимую болью сжимается сердце за писательскую судьбу великаго страдальца земли Русской!!

Иныя строки, до того броско-автобіографическія, точно они нарочно выпячиваются и просятъ курсива, другія прямо напраши-

*) См. мою книгу: «Новое о Пушкинѣ».

ваются на сличеніе съ подлинными письмами автора «Шинели», и нѣтъ—нѣтъ передъ Вами мелькнуть, точно подмигивающія аллегорическія «маски» на театральнѣйшій занавѣси,— слова и выраженія, выдающія скрытый умыселъ.

Подчеркиваю строки, натолкнувшія на такія нескромныя догадки...

«Въ департаментѣ... но лучше не называть въ какомъ департаментѣ», такъ начинается осторожно Гоголь... И, знаете, я кажется догадываюсь о какомъ именно департаментѣ идетъ рѣчь? О департаментѣ... внутреннихъ дѣлъ—не о томъ департаментѣ, что помѣщается у Чернышева моста, но тѣмъ не менѣе департаментѣ очень сложномъ и хлопотливомъ—внутреннихъ дѣлъ художественнаго творчества и переживаній душевныхъ!.. Попробуйте только мысленно подмѣнить въ повѣсти слово «переписываніе» словомъ «писаніе» или «писательство»,—и вся фабула неожиданно углубится и получитъ символически-укоризненный смыслъ. Впрочемъ, если хотите, даже терминъ «переписываніе» можно принять какъ символъ, если вспомнить философію флюберовскихъ «Буvara и Пекюшэ», которые пришли въ своихъ исканіяхъ къ заключенію, что, въ сущности, на бѣломъ свѣтѣ нѣтъ ничего новаго и принялись, какъ Акакій Акакіевичъ, покорно и любовно за «переписываніе старыхъ бумагъ»... Дѣло тутъ даже не въ писаніи и писательствѣ, а въ томъ унижительномъ и оскорбительномъ положеніи, въ какомъ чувствовалъ себя въ строптивое Николаевское время всякій писатель-художникъ по отношенію къ обществу и предержавшимъ властямъ... И, кому же больнѣе и острѣе, какъ не Гоголю, пришлось *переживать* на опытѣ своей собственной многострадальной жизни всю горечь писательской приниженности и писательскаго безправія! Если въ гоголевской «Шинели» впервые была приподнята завѣса надъ міромъ «униженныхъ и оскорбленныхъ», то, конечно, «писательство» было однимъ изъ самыхъ угнетенныхъ и обреченныхъ его центровъ. И, какъ мы знаемъ, эта самая писательская приниженность и безправіе были «самое больное мѣсто» Гоголя,—и мудрено-ли, что въ таинственномъ процессѣ творческаго горѣнія, это чувство отпилось въ потаенную аллегорію «мелко-чиновничьяго прозябанія»... Итакъ, замѣнимъ слово «переписываніе» словомъ *писательство* и пойдемъ далѣе...

Вспомнимъ, что Гоголь не разъ въ своихъ

письмахъ приравниваетъ писательство къ службѣ.

«Мало сказать, онъ служилъ ревностно; нѣтъ, онъ служилъ съ любовью. Тамъ, въ этомъ переписываніи (писательствѣ) ему видѣлся свой разнообразный и пріятный міръ... Въ этого *писательства*, казалось, для него ничего не существовало»...

Да, дѣйствительно, врядъ ли можно было найти человѣка, который бы *такъ жилъ въ своей должностѣ!*.. Эти завѣтныя мысли о писательствѣ-службѣ Россіи, какъ мы знаемъ, постоянно занимали Гоголя. И подумать только, сколько горя и поношенія перенесъ Гоголь въ своей жизни именно за эту самую ревностную и любовную службу!.. «Молодые чиновники (отчего бы не Булгаринъ и К.—тѣ же чиновники отъ литературы!) подсмѣивались и остряли надъ нимъ во сколько хватало канцелярскаго остроумія... сыпали на голову ему бумажки, называя это снѣгомъ»... А развѣ оскорбительныя письма и критики, сыпавшіяся на бѣдную голову автора «Ревизора», «Мертвыхъ Душъ» и «Переписки» не тѣ-же жалкіе пустыя бумажки? «Но ни одного слова не отвѣчалъ на это Акакій Акакіевичъ, какъ будто бы никого и не было передъ нимъ. Это не имѣло даже вліянія на занятія его: *среди всѣхъ этихъ докукъ онъ не дѣлалъ ни одной ошибки въ письмѣ*. Только, ужъ если слишкомъ была невыносима шутка, когда толкали его подъ руку и мѣшали заниматься своимъ дѣломъ, онъ произносилъ: «Оставьте меня! Зачѣмъ вы меня обижаете?» И что-то странное заключалось въ словахъ и въ голосѣ, съ какимъ они были произнесены».

О, это «странное въ словахъ и въ голосѣ» отлично можно подслушать въ длинныхъ письмахъ Гоголя къ Погодину, Жуковскому, Аксакову, Плетневу... «Надобно знать, что шинель Акакія Акакіевича тожеслужила предметомъ насмѣшекъ чиновниковъ... отъ нея даже отнимали благородное имя шинели и называли ее капотомъ». Читайте между строкъ: отъ него отнимали даже благородное званіе комическаго писателя и называли его скоморохомъ!... Въ настоящемъ случаѣ слово «шинель» можно смѣло принять какъ своего рода условный символическій знакъ.

За двѣ недѣли до смерти, въ письмѣ къ отцу Матвѣю Гоголь, между прочимъ, пишетъ: «Мнѣ стало только жаль, что я не помѣнялся съ Вами шубой. Ваша лучше бы меня грѣла!» прозрачно намекая на благодѣтель-

И. РѢПИНЪ.

Запорожцы.

ность «духовной шубы», грѣющей душу чело-
вѣка... Но грубоватый и недальновидный
отецъ Матвѣй этой тонкости не понялъ и
принялъ сожалѣніе Гоголя буквально, вслѣд-
ствие чего получилось довольно странное не-
доразумѣніе (шуба у отца Матвѣя, конечно,
была богаче чѣмъ у бѣдняка Гоголя!)

Не то ли самое недоразумѣніе происходитъ
сейчасъ по отношенію къ Гоголевской «Ши-
нели»? На повѣрку, мы, пожалуй, окажемся
не менѣе недальновидны, чѣмъ отецъ Матвѣй,
принимая слово «шинель» съ мелкой букваль-
ностью... Это письмецо къ отцу Матвѣю до-
статочно ярко намекаетъ, что подъ шинелью
(теплая шинель или шуба не то ли же самое)
подразумѣвается нѣчто самое дорогое въ
жизни, что лучше всего обогрѣваетъ душу...
Въ данномъ случаѣ, это былъ грандіозный
трудъ: «Мертвыя души», внушенный Пуш-
кинымъ,—трудъ, наполнившій всю подвижни-
ческую жизнь писателя, и подъ конецъ сло-
мившій его своей непосильной тяжестью. Ради
него Гоголь обрекъ себя, какъ Акакій Ака-
кіевичъ на всевозможныя лишенія... «Даже
онъ совершенно пріучился голодать по ве-
черамъ: но зато онъ питался духовно, нося
въ мысляхъ своихъ вѣчную идею будущей
шинели. Съ этихъ поръ, какъ будто самое
существованіе его сдѣлалось какъ-то полнѣе,
какъ будто бы онъ женился, какъ будто ка-
кой-то другой челоуѣкъ присутствовалъ съ
нимъ, какъ будто онъ былъ не одинъ, а ка-
какая-то пріятная подруга жизни согласи-
лась съ нимъ проходить вмѣстѣ жизненную
дорогу,—и подруга эта была никто другая,
какъ та же шинель на толстой ватѣ, на
крѣпкой подкладкѣ, безъ износу»... (то-есть
нѣчто долговѣчное, не похожее на прежнія
поверхностныя произведенія!)

И вотъ эту самую единственную «подругу»
у него украли... Безъ нея жизнь потеряла
свой главный смыслъ и больше ничего не
оставалось, какъ умереть.

...«Наконецъ, бѣдный Акакій Акакіевичъ
испустилъ духъ. Ни комнаты, ни вещей его
не опечатавали, потому что, во-первыхъ, не
было наслѣдниковъ, а во-вторыхъ, оставалось
очень немного наслѣдства, именно: пучокъ
гусиныхъ перьевъ, десять бѣлой казенной бу-
маги, три пары носковъ, двѣ-три пуговицы,
оторвавшіяся отъ панталонъ, и уже извѣст-
ный читателю капотъ».

Это уже прямо пророчество про свою соб-
ственную кончину... Когда умеръ Гоголь, въ
его шкафу нашли: связку бумагъ, уцѣлѣв-

шую отъ «сожженія», пучокъ гусятинныхъ перь-
евъ, немного бѣлья и—ни копѣйки денегъ!..

Подчеркиваю еще: «И Петербургъ остался
безъ Акакія Акакіевича, какъ будто бы въ
немъ его и никогда не было. Исчезло и скры-
лось существо, никѣмъ не защищенное, ни-
кому не дорогое, ни для кого не интерес-
ное, даже не обратившее на себя вниманія
и естественнаблюдателя, не пропускающаго
посадить на булавку обыкновенную муху и
разсмотрѣть ее въ микроскопъ,—существо не-
реносившее покорно канцелярскія насмѣшки и
безъ всякаго чрезвычайнаго дѣла сошедшаго
въ могилу, но для котораго все же таки,
хотя передъ самымъ концомъ жизни, мельк-
нула свѣтлая гостья въ видѣ шинели, ожи-
вившій на мигъ бѣдную жизнь, и на кото-
рое также потомъ нестерпимо обрушилось
несчастье, какъ обрушивается оно на главы
сильныхъ міра сего...»

Что же это какъ не скорбное предчувствіе
своей собственной безвременной кончины, за-
таянная скорбь, что его недостаточно изу-
чили и такъ безжалостно поносили?—«Вы-
скажемъ ему все, что ни есть въ немъ дур-
ного, это будетъ ему нужно, но удержимся
утвердить о немъ мнѣніе, пока не узнали
излучинъ его души или пока не услышали его
душевной исторіи».—Письмо къ Плетневу).

Въ «Шинели» вы, конечно, услышали эту
исторію!..

И потомъ, самая главная скорбь, грани-
чающая съ безуміемъ отчаянія, что «чрезвы-
чайному дѣлу» (Вторая часть «Мертвыхъ
душъ!») не суждено завершиться...

Теперь, въ заключеніе, о самой кражѣ ши-
нели и значительномъ лицѣ, не внявшемъ
протесту несчастнаго разореннаго челоуѣка...
Н. Тихонравовъ въ своихъ тонкихъ кро-
потливыхъ примѣчаніяхъ къ IV тому соч.
Гоголя, любопытно обмолвился, что мысль объ
освобожденіи труда художника (все равно,
литератора, артиста или живописца) отъ
опеки чиновника—была завѣтной мечтой Го-
голя, т. е. освобожденіе отъ опеки цензур-
наго деспотизма и всякаго чиновнаго произ-
вола. Въ этомъ смыслѣ, классическая фраза
В. В. Розанова—«Чиновники украли Россію!»
какъ нельзя болѣе здѣсь приложима. Въ
«мечта — шинель», т. е. самый его дорогой
трудъ былъ украденъ именно обступившими
его, какъ дыханіе тьмы, чиновниками (со-
всѣмъ какъ въ повѣсти темные люди обсту-
пили Акакія Акакіевича на пустынной пло-
щади, и никакой помощи ни откуда не

было!) — трудъ, какъ разъ заключавшій въ себѣ всю Россію, такъ что можно сказать безъ преувеличенія: Чиновники украли «Россію»!!

Гм... а какъ же «значительное лицо»

«Какая именно и въ чемъ состояла должность значительнаго лица — это осталось до сихъ поръ неизвѣстнымъ,» — осторожно отмалчивается Гоголь и плотнѣе закутывается въ свою «авторскую шинель».

Попробуемъ ее чуть чуть распахнуть эту авторскую шинель...

Надо очень мелко понимать Гоголя, чтобы думать, что анекдотъ, услышанный имъ на вечеринкѣ о чиновникѣ — страстномъ охотникѣ, потерявшемъ любимое, единственное лепажевское ружье, — былъ главнымъ основаніемъ такой волнующей повѣсти. Это могло быть лишь внѣшнимъ поводомъ къ воплощенію назрѣвшей собственной внутренней драмы, и для начала повѣсти это, конечно, было не дурно; но едва ли это было достаточно для конца, выросшаго въ такой великій надрывъ сердца и страстный протестъ противъ самовласти... Не повліялъ ли тутъ, стороной, другой рассказъ уже не о ружьѣ, а буквально объ «украденной шинели» (у художника Ф. А. Бруни) — исторія случившаяся около того же времени (въ 1837 г.) и, конечно, извѣстная Гоголю, чутко ловившему всѣ болѣе или менѣе характерныя исторіи и постоянно вращавшемуся въ средѣ художниковъ *). По документальнымъ даннымъ, провѣреннымъ А. В. Половцовымъ, составившимъ біографію Бруни, вкратцѣ исторія была такая... Морозной ночью, Бруни возвращался въ своей енотовой шубѣ къ себѣ домой, въ Академію Художествъ. И вотъ, когда онъ сталъ переходить Неву, откуда ни возьмись, нагналъ его рысакъ съ двумя сѣдоками въ санкахъ, которые безцеремонно сорвали съ него шубу и безслѣдно скрылись. Защищаться не было никакой возможности, и Бруни въ страхъ, кое какъ закрывъ грудь отворотами фрака, побѣжалъ къ берегу Васильевского Острова, отчаянно вопя: «Карауль! Воры! Грабятъ!» Едва онъ вбѣжалъ по спуску на берегъ, какъ передъ нимъ — другой рысакъ, и въ санякъ высокая фигура въ штатскомъ и цилиндрѣ.

— Что такое? Кого грабятъ?

*) Анекдотъ о чиновникѣ услышанъ Гоголемъ въ 1834 г., а самое написаніе повѣсти относится къ 1839—41 гг. (Примѣч. Н. Тихонравова ко второму тому сочиненій Гоголя).

И, узнавъ въ чемъ дѣло, высокая фигура по-мчалась въ погоню. Къ удивленію Бруни, утромъ, на другой же день къ нему является портной отъ Министра Двора, чтобы снять съ него мѣрку для шубы. Что же оказалось? Оказалось, что высокая фигура и въ переносномъ смыслѣ была «высокая», т. е. таинственный незнакомецъ былъ никто иной какъ самъ Государь Николай I-й. Эта таинственная поѣздка довольно близко сходится съ таинственной поѣздкой значительнаго лица въ «Шинели», только тутъ вышло какъ разъ обратно: не со значительнаго лица сорвали генеральскую шинель, а обратно: обкраденный художникъ бросился за помощью къ значительному лицу по поводу своей собственной шинели — и, такъ сказать, сама жизнь подсказала Гоголю глубокой символъ!..

Если припомнить, бокомъ о бокомъ съ этимъ случаемъ, извѣстный рассказъ, ходившій тогда изъ устъ въ уста, о мистическомъ испугѣ Императора Николая передъ найденнымъ въ Таврическомъ Дворцѣ бюстомъ Вольтера (испугъ передъ призракомъ на смѣшки; въ этомъ смыслѣ, призракъ Акакія Акакіевича символически является призракомъ сатирической правды, пугающей значительное лицо), — то скромная «Гоголевская Шинель» оборачивается для насъ совсѣмъ новой стороной, какъ самое осторожное и, въ то же время, какъ самое революціонное произведеніе николаевской эпохи. О, это было жестокое, политически-морозное время, и надо было крѣпче закутаться въ аллегорическую шинель, чтобы невзначай не отморозить себѣ носа въ сибирской ссылкѣ!.. Какъ ни какъ, при всей своей правотѣ, Гоголь не могъ не чувствовать, что прежняя «Николаевская шинель» (т. е. николаевскій режимъ) не можетъ никакъ согрѣть («Главнымъ основаніемъ *его* системы — т. е. системы значительной особы. — была строгость — строгость, строгость и строгость...»). А другая, совсѣмъ новая, «гоголевская шинель», которая могла бы спасти и обогрѣть, похищена была безвозвратно! Повторяю, больше ничего не оставалось, какъ умереть...

Мертвый, однако, оказался сильнѣе живого... и черезъ полвѣка, является грознымъ призракомъ пророка и обличителя!..

—...«Твоей-то шинели мнѣ и нужно! Не похлопоталъ *объ* *моей* да еще и распекъ — отдавай же теперъ *свою!*!»...

Эта изступленная, полубезумная рѣчь «призрака» — наиболѣе революціонное мѣсто въ

повѣсти!.. Тутъ чувствуется зараза и настойчивое домогательство свободы (свободы слова, освобожденіе крестьянъ) и затаенное предчувствіе грядущаго народовластія т. е. конституціи. Можно сказать, не будь обличительнаго волшебнаго фонаря Гоголя, не было бы конституціи! Невольно вспоминается проникновенное слово нѣмец. крит. Евгенія Цабеля по поводу этого «безсознательнаго революціонерства» Гоголя: «Наиболѣе зрѣлыя произведенія Гоголя не простыя литературныя явленія, но настоящіе гражданскіе подвиги, весьма чреватые важными послѣдствіями».

«Съ тѣхъ поръ,—какъ гласитъ повѣсть,—значительное лицо значительно перемѣнилось и смягчилось. Но еще болѣе замѣчательно, что съ этихъ горъ совершенно прекратилось появленіе чиновника-мертвеца: видно гене-

ральская шинель пришлась ему совершенно по плечамъ.»

Символически съ Гоголемъ произошло то же самое: послѣ смерти «генеральская шинель пришлась ему по плечу», т. е. послѣдовало полное его признаніе какъ «царя мысли и слова»!

Впрочемъ, по отношенію къ русскимъ большимъ писателямъ это давно знакомая исторія:—*мертвый сильнѣй живого!!* . . . . .

Вотъ какія странныя мысли забрели мнѣ въ голову и растревожили сердце ненастной осенней ночью, въ одинокомъ номерѣ провинціальной гостиницы...

А, впрочемъ, быть можетъ, всему виною—тоска одиночества и табачный дурманъ «Абракадабры»? Не знаю...

Ив. Щегловъ.